

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ДОКСЫ»**И. В. Соловей***Удмуртский государственный университет*

Поступила в редакцию 5 ноября 2008 г.

Аннотация: анализируются доксические структуры поля политической дискурсивности. Поле политической «доксы» задается дискурсивными стратегиями «ортодоксии» и «гетеродоксии». Доксическая структура поля политики, существующая в дискурсивных границах «ортодоксии» и «гетеродоксии», самовоспроизводится через точку «аллодоксии», которая демонстрирует подвижность и изменчивость границ доксических представлений поля политики.

Ключевые слова: поле политики, дискурсивные стратегии, «докса», «ортодоксия», утверждение, «гетеродоксия», отрицание, «аллодоксия».

Abstract: in paper are analyzed dox's structures of a political discursive field. The field political «doxa» is set discursive strategy by «orthodoxia» and «heterodoxia». Doxa's structure of the policy field, existing in discursive borders «orthodoxia» and «heterodoxia», is self-reproduced through a point «alldoxia» which shows mobility and variability of borders doxa's representations of a field of policy.

Key words: field policy, discursive strategy, «doxa», «orthodoxia», positive, «heterodoxia», negation «alldoxia».

Современная социальная философия принцип целостности заменяет на принцип плюральности или элементаризма. Полнота реализации принципа плюральности непосредственно зависит от существования различных «мнений». Получается, что чем более различными, следовательно, не связанными и не согласованными между собой оказываются «мнения», тем полнее реализуется принцип «плюрализма мнений». Поскольку целостность «политического» предъясняется во множестве отдельно существующих «мнений», то «мнение» оказывается предельным элементом политического дискурса. Однако на пределе существования «мнение» выступает в значении «докса». Это объясняется тем, что начиная с греческой традиции «мнение» буквально переводится как «доха» (греч. doxa — мнение). Можно говорить о том, что в условиях «плюрализма мнений» множество отдельно существующих «мнений» выражают доксические представления поля политики.

Существуя в значении «докса», «мнение» всегда содержит в себе некое первичное знание о политическом мире, существование которого позволяет говорить / высказывать «мнение» о политическом мире (П. Бурдьё, Г. Кортиан, Ж. Може, Л. Пэнто, П. Шампань и др.). Поскольку доксическое знание является первичной интерпретационной формой представления политического мира, то сама «докса» воспринимается

как само-очевидная данность. «Докса в логике... это отношение основополагающего согласия с социальным миром, — пишет П. Бурдьё, — выражающееся через нететические тезисы, которые даже не мыслятся как собственные концептуальные тезисы» [1].

В данном случае «докса» является такой само-очевидной данностью, которая обуславливает существование множества «мнений». В этом случае можно говорить о том, что множество «мнений» образует поле политической «доксы». В связи с тем что каждое «мнение» принадлежит полю доксических представлений, то в отношении «доксы» как предельно само-очевидного, следовательно, объективного знания, отдельно существующее «мнение» является предельно субъективным высказыванием, функционирующим на основе принципа — «как мне кажется». Представленное во «мнении» знание является некой субъективной «кажимостью», «видимостью» или «мнимостью», что само по себе указывает на неисчерпаемую «не-полноту» и принципиальную незавершенность представленного знания. Существование своего рода не-совпадения или «зазора» между объективной само-очевидностью «доксы» и субъективной не-очевидностью и не-достоверностью «мнения» оказывается основным условием появления стратегий доксической субъективности.

В поле политической «доксы» движение от множества не-очевидных «мнений» к устойчивой

очевидности «доксы» реализуется дискурсивной стратегией «орто-доксии» (греч. *orthos* — прямое; *doxa* — мнение). В поле политической «доксы» «ортодоксия» является такой стратегией доксической субъективности, которая направлена на «утверждение» не-очевидного «мнения» в границах доксической очевидности. «Утверждение» как практически завершенная грамматическая структура сообщает «мнению» характер обще-известного или предельно очевидного знания. В этом смысле «утверждение» «ортодокса» (греч. *ортоζ* — прямой) образует пространство обще-известного «мнения». Когда «мнение» принадлежит «общему» пространству, то это непосредственно затрагивает проблему участия «общественного мнения» в процессе производства доксических представлений.

Традиционно считается, что «общественное мнение» является неким «средним мнением», полученным путем простого сложения «мнений» конкретных индивидов (У. Липшман, Э. Ноэль-Нойман, Дж. Цаллер и др.). С одной стороны, существование «общественного мнения» обусловлено существованием «мнений» конкретных индивидов, без которых «общественное мнение» не может существовать. С другой стороны, «общественное мнение» принадлежит всем, но при этом не принадлежит ни одному из тех индивидов, которые высказывают «мнения». Иными словами, «мнение» конкретного индивида не может быть представлено в структуре «общественного мнения». Поскольку в «общественном мнении» существует изначальная не-различенность «мнений» конкретных индивидов, постольку «общественное мнение» оказывается объективированным пространством воспроизводства обще-известного как предельно очевидного «мнения».

В пространстве «общественного мнения» индивид оказывается неким абстрактным «вы», которое не имеет никакого отношения к конкретному индивиду. В «общественном мнении» инстанция «вы» («по Вашему мнению...», «как Вы считаете...», «что по Вашему мнению...» и т.д.) является «семантической моделью второго лица» (Ж. Бодрийяр), т.е. некой анонимной инстанцией, символизирующей «индивида вообще». Здесь «индивид вообще» является «чистым» понятием, полученным в результате семантической операции. В данном случае «мнение» «индивида вообще», лишенное какого-либо конкретного содержания, всегда выражает типизированное представление, т.е. такое представление, которое может принадлежать всем, при этом не принадлежа никому в отдельности. Типизация является основным условием существо-

вания «общественного мнения», поскольку «очищает» «мнение» от какого-либо субъективного содержания. Типизированное представление содержит в себе языковые стереотипы — обязательные термины / категории вне которых «индивид вообще» не имеет возможности говорить / высказывать какое-либо «мнение». В этом смысле языковые стереотипы оказываются предельно-обобщенной или «чистой» формой предъявления «мнения» «индивида вообще».

Когда «мнение» «индивида вообще» определяется стереотипами, то в состоянии типизации «мнение» наделяется «чистым» содержанием. Здесь «мнение» определяется социальной практикой индивида, т.е. схемой «действия», присутствующей в повседневном существовании. Можно говорить о том, что социальная практика называется «чистым» содержанием «общественного мнения». Получается, что «общественное мнение» воспроизводит нерелексированные схемы «действия», которые предъявляются как типизированное представление большинства общества.

В общественном пространстве «мнение», которого придерживается большинство, становится доминирующим «мнением». Однако доминирующее «мнение» по своей сути является «мнением» доминирующих, которые «утвердили» собственное политическое видение в границах поля политической «доксы» (П. Бурдье). Поскольку господствующее «мнение» стремится полностью выразить доксические представления поля политики, то в нем всегда присутствует «избыточность» доксических значений. Однако «избыточная» полнота доксических значений является показателем «нехватки» субъективности. В условиях существования «нехватки» субъективности образуется поле доксической объективности, где «докса» является такой формой знания, которая существует на уровне «обыденной очевидности» повседневного существования. В поле доксической объективности «слово» и «действие» принадлежат политической практике, представленной в структурах повседневности. В повседневности социальная субъективность предъявляется в схемах «действия» социального агента (П. Бурдье) и в общественном «слове» «Das Man» (М. Хайдеггер).

Система диспозиций, порождающая и структурирующая практику «агента», базируется на системе типизированных представлений, которые неосознанно усваиваются «агентом» в процессе социализации. Такое первоначальное знание оказывается неким «практическим чувством» изначальным вписанным в стратегию «действия» «агента». Составляющие политическую практику «агента» диспозиции представляют

собой бессознательно интериоризированные и инкорпорированные схемы практического «действия». Поскольку политическая практика (от греч. *praxis* — действие) «агента» базируется на некоем «практическом чувстве», то в политической практике «действие» сводится к «поведению», которое является до-субъектным состоянием «действия».

Если обратиться к общественному «слову» «Das Man», то выясняется, что «Das Man» является некоей неопределенной и неопределимой в языке инстанцией. Сама структура «Man» («Люди»): «Man носит», «Man говорит», «Man слушает» содержит в себе некую «без-личную» анонимность и неопределенность социального присутствия. Представляя несамостоятельность и не-собственность социального присутствия, «Das Man» позволяет индивиду, не высказывая ничего своего собственного, участвовать в общем «говорении», т.е. в «том-что-говорят-все». В языке «Man» могут выражать себя только господствующие внутри общества доксические представления, которые не предполагают наличие никакого «собственного» «мнения». Изначальная принадлежность «Das Man» полю политической «доксы» позволяет доксическим представлениям поля политики воспроизводиться без необходимого осмысления. В данном случае бессмысленное или без-мысленное воспроизведение очевидных представлений превращает процесс говорения / высказывания «мнений» в общественную «болтовню», которая создает возможность понимать суть «сказанного» без предварительного осмысления и интерпретации. Источником общественной «болтовни» является не стремление к пониманию, а повседневное «любопытство», которое позволяет социальному индивиду уклоняться от понимания подлинной сущности мира, но при этом участвовать в процессе «пере-балтывания» или «пере-сказывания» толков / слухов. Таким образом, в поле доксической объективности «действие» и «слово» являются до-субъектными состояниями и сводятся к «поведению» и «болтовне», которые присутствуют в повседневном существовании и демонстрируют «нулевой уровень» социальной субъективности.

В повседневности «докса» оказывается таким предельно очевидным знанием, которое на пределе утрачивает собственную очевидность, т.е. оказывается предельно не-очевидным «мнением» большинства. В данном случае предельно не-очевидное «мнение» большинства можно соотнести с неким «коллективным представлением» (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль), представляющим собой до-рефлексивное знание. Дискурсивное движение от не-очевидной достоверности

«мнения» большинства к установлению новой очевидности «доксы» задается стратегией «гетеро-доксии» (греч. *heteros* — другой; *doxia* — суждение). В данном случае «гетеродоксия» является стратегией доксической субъективности, которая «отрицает» «мнение» большинства. Поскольку «отрицание» относится к тому, что уже «утверждено», то «отрицание» всего лишь предъявляет не-очевидность господствующего «мнения».

В поле политической «доксы» «отрицание» господствующего «мнения» реализуется в общественном пространстве диссидентского (англ. *dissident*; лат. *dissidens* — противоречащий) дискурса. Поскольку «отрицание» отличается от «утверждения» состоянием радикальной неопределенности, то отсутствие определенности позволяет с одной и той же позиции «отрицания» высказывать противоположные, следовательно, потенциально антагонистические «мнения». В этом смысле диссидентство объединяет множество различных и потенциально не связанных между собой «мнений». Диссидентское «отрицание» оказывается предельной позицией, которую способны занимать доминируемые или подвластные, чьим субъективным «мнениям» «не-хватает» объективной само-очевидности «доксы» (П. Бурдьё).

В этом смысле диссидент изначально вовлечен в символическую борьбу за установление новой очевидности доксических представлений, в рамках которой «ортодоксии» противостоит множество не связанных между собой «мнений», каждое из которых, «отрицая» «мнение» большинства, стремится «утвердиться» в качестве очевидного. В данном случае определение позиций противоборствующих сторон всегда задается как иерархическое пространство субъективных положений, обеспеченных символическим капиталом (П. Бурдьё), наличие которого является показателем способности субъекта к стратегиям объективации. В поле политической «доксы» противоположение доминирующие / доминируемые оказывается продуктом «кругового вращения» доксического дискурса.

«Круговое движение» существующих доксических представлений, приостанавливается в результате появления «иного» «мнения», производящего «логический разрыв» между порядком дискурса («словом») и порядком социальной практики («действием»). Возникновение «иного» «мнения» создает «эффект аллодоксии» (греч. *αλλο* — иной, различный). «Аллодоксия» указывает на то, что некогда очевидные для «слова» и «действия» доксические представления утратили силу само-очевидности. Принадлежа порядку дискурса «аллодоксия» демонстрирует, что в

основании «политического» «имеет-ся» множество дискурсивных оснований. Установленное единство доксических представлений оказывается одним из множества инвариантов единой вариативной структуры поля политики. Это говорит о том, что всякий доксический порядок основан на некой форме «исключения» других возможностей.

Таким образом, доксическая структура поля политики, существующая в дискурсивных границах «ортодоксии» и «гетеродоксии», изменяется посредством «аллодоксии», которая трансформирует категории восприятия «политического». Следовательно, «аллодоксия» изменяет / смещает установленные границы поля политической «доксы», т.е. задает новое направление доксическим представлениям. Можно говорить о том, что поле политической «доксы» самовоспроизводится через точку «аллодоксии». Транс-

формация восприятия «политического» — категорий / понятий / суждений, позволяющих высказываться о «политическом» как «политическом», влияет на политическую практику, т.е. приводит к изменению схем политического «действия». В данном случае подвижность и изменчивость границ политической «доксы» является показателем произвольного характера доксических представлений, их принципиальной открытости для бесконечных структурных изменений, что само по себе говорит о вариативности различных версий «доксы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Университетская докса и творчество : против схоластических делений / П. Бурдые // Socio-Logos'96 : альманах Российско-французского центра социологических исследований Ин-та социологии Российской академии наук. — М. : Socio-Logos, 1996. — С. 8—31.

Удмуртский государственный университет
Соловей И. В., кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии коммуникаций Института
социальных коммуникаций

zhurbin@udm.ru
Тел.: (3412) 78-35-32

Udmurt State University
Solovej I. V., Candidate of Philosophy, Associate
Professor, Department of Social Communications,
Institute of Social Communications

zhurbin@udm.ru
Tel.: (3412) 78-35-32